

И. В. Самодуров

**ИНСТИТУТ ДВОРСКИХ ПО ЖАЛОВАННЫМ ГРАМОТАМ
XIV – НАЧАЛА XVI ВЕКОВ¹
(окончание)**

Особую разновидность представляют обельные постановления, в которых с уже известным нам оборотом «ни в какие проторы, ни в розметы» сочетается оборот «не надобе им тянути» (вместо слов «не тянут») — «ни к сотским, ни к дворским не надобе им тянути ни в какие проторы, ни в розметы». Такая форма обельного постановления встречается в жалованной тарханной и несудимой грамоте Василия Васильевича, выданной 4 декабря 1447 г. игумену Троице-Сергиева монастыря Мартиниану на село Нефедьевское с деревнями в Угличском уезде²; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, составленной между 1447 и 1455 годами тех же контрагентов на сельцо Микульское и село Мериново в Кистемском стане Переяславского уезда³; в жалованной тарханной и несудимой грамоте от 4 марта 1448 г. того же Василия Васильевича игумену Дионисиева Глушицкого монастыря Амфилохию на 8 пустошей близ монастыря, в Бохтюжской волости Вологодского уезда⁴; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 10 марта 1455 г. все тем же Василием Васильевичем игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на все владения в Угличском уезде — Городском стане, волостях Койской и Куткобале⁵.

Другую разновидность составляют обельные постановления шести грамот, имеющие указание, что население, кроме проторов и разметов, «не тянет ни во что»: «ни к сотцким, ни к дворским не тянут ни во что, ни в какие проторы, ни в розметы». Это жалованная тарханная и несудимая грамота, данная 17 марта 1460 г. великим князем Василием Васильевичем архимандриту Симонова монастыря Афанасию на село Быльцино с деревнями, деревню Рождественскую и пустошь Абакумцево в Переяславском уезде⁶; жалованная тарханная и несудимая грамота от 11 февраля 1462 г. дмитровского князя Юрия Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на села Ведерниче, Бунятино и др. в Дмитровском уезде и на два двора в городе Дмитрове⁷; жалованная тарханная и несудимая грамота, данная 30 октября 1463 г. великим князем Иваном

¹ Начало статьи см.: Древняя Русь Вопросы медиевистики. 2001. № 4 (6).

² АСЭИ. Т. I. № 192. С. 123.

³ Там же. № 195. С. 140.

⁴ Там же. Т. III. № 253. С. 274–275.

⁵ Там же. Т. I. № 254. С. 183.

⁶ Там же. Т. II. № 359. С. 352.

⁷ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. № 18. С. 375.

Васильевичем архимандриту того же Симонова монастыря Антонию на село Быльцыно и деревни в Кистемской волости Переяславского уезда⁸ и жалованная тарханная и несудимая грамота, данная 9 июня 1471 г. дмитровским князем Юрием Васильевичем игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридонию на село Куноки в Серебожской волости Дмитровского уезда⁹, жалованная тарханная и несудимая грамота от 25 февраля 1473 г. Ивана III тому же игумену Спиридонию на владения в Дмитровском уезде¹⁰ и жалованная тарханная и несудимая грамота от 25 апреля 1504 г. дмитровского князя Юрий Иванович игумену Троице-Сергиева монастыря Серапиону на села и деревни в Каменском стане и волости Инобож Дмитровского уезда¹¹.

Грамоты, содержащие формулы этого типа, также могут фиксировать тяглых людей. Постановления: «ни [к] дворском⁸, ни к дес^Атцким с т^Аглыми людми не т^Ан⁸т ни вщ что, ни в какие проторы, ни в розметы» читаются в жалованной тарханной, несудимой и оброчной грамоте, выданной в июле 1502 г. рузским князем Иваном Борисовичем архимандриту Симонова монастыря Вассиану на села Кортинское, Кусакино и Богородицкое в Вышкоском стане Рузского уезда¹² и в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 19 декабря 1502 г. тем же князем Иваном А. К. Ельчанинову на его две деревни в волости Скирманове Рузского уезда¹³.

В жалованной льготной и несудимой грамоте, выданной 17 октября 1472 г. великим князем Иваном III архимандриту суздальского Спасо-Евфимьева монастыря Иоакиму на земли в Медвежьем Угле и на реке Уводи в Суздале¹⁴; в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной между 1473 и 1485 г. великим князем Иваном III Н. Л. Заболотскому на его село Думинское с деревнями в Повельском стане Дмитровского уезда¹⁵, и в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 6 апреля 1486 г. великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Макарию на село Михайловское с деревнями в Вышгородской волости и Повельском стане Дмитровского уезда¹⁶, добавлено указание на сотского: «ни к дворьским, ни к сотцким, ни к дес^Атцким с т^Аглыми людми не т^Анут ни во что, ни в какие проторы, ни в розметы».

В жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной в 1472/73 г., после 12 сентября 1472 г., великим князем Иваном III игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридону на села Кучки и Деревенку в городской округе Юрьева-Польского, слова «с тяглыми людми» заменены на «с городскими людми и с волостными»¹⁷.

Иную разновидность составляют грамоты с оборотом «никакие дела». В жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 21 марта 1450 г. великим князем Василием Васильевичем Ивану Раките на село Яковльское в Городском стане Рузского уезда обельное постановление сформулировано следующим образом: «ни к дворьским не тянути никакими дельи, ни в каков протор, ни в розмет»¹⁸. Так сформулировано подчинение дворскому в жалованной тарханной, заповедной и несудимой грамоте от 20 июля 1463 г. великого князя Ивана Васильевича протопопу Архангельского собора Ивану на церковные сельца Инютинское и Козельское в Суходольской

⁸ АСЭИ. Т. II. № 373. С. 367.

⁹ Там же. Т. I. № 400. С. 292.

¹⁰ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 29. С. 392.

¹¹ АСЭИ. Т. I. № 652. С. 576.

¹² Там же. Т. II. № 426. С. 466.

¹³ Там же. Т. III. № 65. С. 97.

¹⁴ Там же. Т. II. № 466. С. 505.

¹⁵ Там же. Т. I. № 419. С. 308.

¹⁶ Там же. № 529. С. 407.

¹⁷ Там же. № 412. С. 301.

¹⁸ АФЭиХ. Ч. 2. № 1. С. 9.

волости Боровского уезда: «ни к соцким, ни к дворскимъ, ни к становщикомъ, ни к десяцким не тянуть в какие дѣла, ни в которые розметы и проторы»¹⁹.

В двух грамотах первой половины XV в. упоминается, что дворский «всылал» для организации подобных повинностей. В жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной в апреле 1435 г. Василием Васильевичем вотчиннику Михаилу Яковлевичу на владения в Кинельской волости и Городском стане Переяславского уезда, обельная формула такова: «А дворские и становщики в те села к их людем не всылают ни по что, ни которое мое дело, ни размет, ни закос», причем в тарханной части упоминаются «становые люди»²⁰. Жалованная тарханная, несудимая и двусрочная грамота великого князя Василия Васильевича, выданная в августе 1443 г. Ивану Петелину на село Скнятиново в Кинеле Переяславского уезда, имеет схожее обельное постановление: «А дворские и становщики кинельские в то село к его людем не всылают ни по что ни о котором деле, ни о размете, ни о закосе»²¹. В грамоте определение «кинельские» стоит после становщиков, но, возможно, относится и к дворским.

Указание, что дворский «всылал», есть и в грамоте, выданной между 1448 и 1461 г. великим князем Василием Васильевичем митрополиту Ионе на пустоши Погорелицкие во Владимирском уезде. В этой грамоте кроме дворского другие должностные лица, фигурирующие вместе с ним во всех описанных выше формулах, не названы, но и он упомянут не в обельном постановлении: «наместницы владимирские и тиуны и дворские не въежжают, ни всылают к тем христианем ко всем ни по что, ни судят их»²². Похожее же обозначение повинностей, как и в рассматриваемой жалованной грамоте, есть в жалованной тарханной и несудимой грамоте от 13 декабря 1464 г. Ивана III митрополиту Филиппу на владения митрополичьей кафедры близ Владимира, упоминающей с дворским десятского и пятенщика: «Также мои дворские, и пятенщики, и десяцкие городские в те его села не въежжают, ни всылают ни по что»²³.

Упоминания организуемого дворским «дела» имеются и в жалованных грамотах митрополитов. Митрополиты Геронтий 19 июня 1478 г.²⁴, Зосима 11 декабря 1490 г.²⁵ и Симон 13 октября 1495 г.²⁶ среди прочих привилегий, предоставленных бортникам Семену Улыбашеву, Оладке Гаврилову и другим, жившим близ Владимира, освобождали их от ведения дворского. Формуляр всех трех грамот повторяется, и обозначение льгот имеет вид: «дворские мои володимерские не наряжают им дела моего никакова». В грамоте митрополита Геронтия добавлены слова «ни кормов своих на них не емлют» из-за ошибки копииста (о чем см. ниже). Хозяйство митрополитов строилось по образцу княжеского, и появление у них института дворских представляется естественным.

Употребление слова «наряжать» применительно к дворскому характерно для тверской территории. В жалованной тарханной и несудимой грамоте Бориса Александровича, великого князя тверского, выданной около 1450 г. игуменье Федотье Кашинского Сретенского монастыря на земли и на слободку Ерусалимскую на посаде в городе Кашине, находим: «А дворским, ни соцким, ни старостам теми людми не наряжать»²⁷. В жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной в мае 1486 г. великим князем Иваном Ивановичем (Молодым), сыном и соправителем Ивана III, боярину Афанасию Ивановичу Шетневу на его земельные владения «в Тверской земле» сказано: «дворским и соцким Офонасьевыми людми не наряжати»²⁸.

В жалованной льготной грамоте, выданной 25 марта 1451 г. великим князем Василием Васильевичем архимандриту Симонова монастыря Геронтию на село Борисовское и две варницы у

¹⁹ Машгафаров А. В. Жалованные грамоты кремлевского Архангельского собора 1463–1605 года // Русский дипломатарий. Вып. 2. М., 1997. № 1. С. 28; Акты российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начало XVII вв. № 13. С. 50.

²⁰ АСЭИ. Т. I. № 117. С. 93.

²¹ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 10. С. 362.

²² АФЭиХ. Ч. 1. № 173. С. 158.

²³ Там же. № 210. С. 185.

²⁴ Там же. № 213. С. 188.

²⁵ Там же. № 214. С. 188.

²⁶ Там же. № 215. С. 189.

²⁷ АСЭИ. Т. III. № 118. С. 155.

²⁸ Там же. № 180. С. 196.

Соли Галицкой, указывается, что «так же соцкои, ни дворьской, ни пятидесятник на тех христианех яму на них не емлют, ни мечют никоторых проторов, ни подвод в ту пять лет»²⁹.

Наконец, в двух грамотах из-за механической порчи текста и ошибок копииста нельзя установить, как обозначалась неподведомственность дворскому. В жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной между 1425 и 1427 г. великим князем Василием Васильевичем игумену Никону на села Клевцовское, Фоминское и Грунинское в волостях Емстне и Сорохте Костромского уезда, предоставляются следующие льготы: «пришлым не надобе никоторая дань, ни мыт, ни тамга, ни писчая белка, ни ям, ни подвода, ни в которые проторы, ни в розметы, никоторая пошлина, ни сен моих косити, ни коня моего не кормити, ни городное дело, ни к дворским, ни к сотским... (далее утрачено)»³⁰. В жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной между 1447 и 1462 г. великим князем Василием Васильевичем Чудову монастырю на села Лужки и Павловское в волости Сурожик Московского уезда, пропуск: «ни иная никоторая моя им пошлина не надобе, ни к дворскому, ни к сотнику, ни двора м[о]его, ни волостелева не делати»³¹.

* * *

Если оставить в стороне древнейшее упоминание дворского в жалованной грамоте XIV в., то приведенный материал можно представить в виде таблицы.

Формула	Годы
"ни к дворскому моему тянути"(1)	1463
"ни к дворскому, ни к пятидесятким, ни к десятким не тянут"(1)	1471-75
"ни к дворскому, ни к сотцкому, ни к становщику не тянути ничем"(1)	1425
"ни к дворскому, ни к сотцкому, ни к становщику не тянут ничем ... ни к дворскому, ни к сотцкому, ни к становщику, ни к старосте аргуновскому ... "(1)	1436
"ни к сотскому, ни к дворскому не тянут ни во что"(3)	1439, 47, 62-66
"ни к сотскому, ни к дворскому, ни к старосте волостному не тянут ни во што"(2)	1438, 1453
"ни к дворскому, ни к сотцкому не тянут с волостными людьми ни во что"(1)	1448
"ни к дворскому, ни к сотскому не надобе им тянуть ни во что"(2)	1411, [34-47]
"ни к сотскому, ни к дворьскому не тянути ни в чем, никоторыми пошлинами"(1)	1462-66
"ни к дворскому, [ни к сотнику не надобе им тянути] никоторыми пошлинами"(1)	1432-45
"не надобе им с того двор тянути ни [с] слугами, ни с черными людьми, ни к рыболовом, ни к сотцкому, ни к дворскому никоторыми пошлинами"(1)	1432-45
"ни к сотцкому, ни к дворскому не тянут никоторыми потуги"(1)	1462
"ни к дворскому, ни к становщику не тянут ни в которые проторы"(1)	1465

²⁹ Там же. Т. II. № 351. С. 346.

³⁰ Там же. Т. I. № 49. С. 53.

³¹ Антонов А. В., Баранов К. В. Неизвестные акты XIV–XVI в. из архива московского Чудова монастыря. // Русский дипломатарий. Вып. 2. № 5. С. 13.

"к дворским и сотцким с черными людми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы"(1)	1488
"ни к сотским, ни к дворским, ни к десятским с черными людми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы"(2)	1462-78, 73
"ни к сотцким, ни к дворским, ни к десятцким с тяглыми людми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы, ни в посошное"(1)	1487
"ни к сотскому (сотским, сотнику), ни к дворскому (дворским) не надобе им тянути ни в какие (которые) проторы, ни в розметы"(4)	1447, 47-55, 48, 55
"ни к сотцким, ни к дворским не тянут ни во что, ни в какие проторы, ни в розметы"(6)	1460, 62, 63, 71, 73, 1504
"ни к дворскому, ни к десятскому с тяглыми людми не тянут ни во что, ни в какие проторы, ни в розметы"(2)	1502(2)
"ни к дворским, ни к сотцким, ни к десятцким с тяглыми людми не тянут ни во что, ни в какие проторы, ни в розметы"(3)	1472, 73-85, 86
"ни к сотским, ни к дворским, и к десятским с городскими людми и волостными не тянут ни во что, ни в какие проторы, ни в розметы"(1)	1472/73
"ни к дворским не тянути никакими делы, ни в каков протор, ни в розмет"(1)	1450
"ни к соцким, ни к дворскимъ, ни к становщикомъ, ни к десяцким не тянут ни в какие дела, ни в которые розметы и проторы"(1)	1463
"А дворские и становщики в те села к их людем не всылают ни по что, ни которое мое дело, ни размет, ни закос"(1)	1435
"А дворские и становщики кинельские в то село к его людем не всылают ни по что, ни о котором деле, ни о размете, ни о закосе"(1)	1443
"наместницы владимирские и тиуны и дворские не въежжают, ни всылают к тем христианем ко всем ни по что, ни судят их"(1)	1448-61
"мои дворские, и пятенщики, и десяцкие городские в те его села не въежжают, ни всылают ни по что"(1)	1464
"дворские мои володимерские не наряжают им дела моего никакова"(3)	1478, 90, 95
"А дворским, ни соцким, ни старостам теми людми не наряжать"(1)	1450
"дворским и сотцким Офонасьевыми людьми не наряжати"(1)	1486
"соцкои, ни дворскои, ни пятидесятник на тех христианех яму на них не емлют, ни мечют никоторых проторов, ни подвод в ту пять лет"(1)	1451
"ни к дворским, ни к сотским ..."(2)	1425-27, 47-62

На основании приведенного в таблице распределения формул можно заключить: 1) самая краткая формула — не самая ранняя, 2) подавляющее большинство формул — со словами «не

тянут», с различными модификациями их можно насчитать до 15 разновидностей, 3) с течением времени в формулах исчезают такие обороты как «не надобе», «ни во что», появляются обороты, которые показывают, с кем «не тянут» люди иммуниста, 4) наибольшее разнообразие употребляемых формул приходится на 30–60 годы, в 70–80 годы число используемых формул уменьшается, что говорит о большей стереотипности при выборе оборотов.

Сравнение показывает, что чаще всего дворский упоминается вместе с сотским или с сотским и десятским. Очевидно, что дворские и сотские хотя и принадлежали к разным структурам княжеского хозяйства, но их функции в известном отношении были схожи.

Налоги, исполняемые по отношению к дворскому, обозначались словами: тянуть, наряжать, всылать, заимать; в проторы, в разметы, пошлинами, делами, потуги, посошное. Термин «наряжать» обозначал действие по распределению на работу³², назначению, устройению чего-либо³³. «Всылать» означает направлять, посылать для исполнения, поручения, преимущественно должностного³⁴. Слово «заимают» имеет в виду задействование, привлечение к исполнению повинностей³⁵. Более ясен смысл глагола «тянуть» — быть в зависимости, подчинении, относиться к чему-либо, принадлежать³⁶. Чаще всего встречается формулировка налогообложения как «проторы». Ее значение варьируется: расход, ущерб, убытки³⁷, побор, повинности³⁸, однако предполагает денежную форму³⁹. Термин «разметы» обозначает раскладку повинностей на население⁴⁰. Близкое значение у существительных «пошлина» и «потуг» — подать, побор, налог⁴¹. Посошное — поземельная подать с сохи, наряд по расчету с нее людей⁴².

Данные, представляемые жалованными грамотами о повинностях, исполняемых населением дворскому, очень скудны. Из слов обельного постановления «не тянут ни во что» можно заключить, что такие налоги были разнообразны. Что конкретно имелось в виду тогда под общим названием проторов и разметов, мы не знаем. Однако мы видим, что эти налоги не обязательно были выполнением повинностей-работ или натуральными, а могли быть денежными, причем они раскладывались на население.

Значительно больше данных, чем формулы, дают отступления от них — т. н. описания⁴³. Из обельного постановления: «А дворские и становщики в те села к их людям не всылают ни по что, ни которое мое дело, ни размет, ни закос» видно, что в ведении дворского находился «закос». Такие предложения как «так же соцкои, ни дворской, ни пятидесятник на тех христианех яму на них не емлют, ни мечют никоторых проторов, ни подвод в ту пять лет» и трижды встречающееся «ни к сотцкому, ни к дворскому не тянут ни в которые проторы, ни в ям» свидетельствуют, что дворский мог иметь отношение к организации ямской и подводной повинностей. Формулировка «наместницы владимирские и тиуны и дворские не въежжают, ни всылают к тем христианем ко всем ни по что, ни судят их» содержит намек на судебные функции дворского.

³² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. 2. С. 465.

³³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. 2. Стб. 326.

³⁴ Там же. Т. 1. Стб. 431.

³⁵ Употребленное слово «займают» в грамоте тверских князей Отрочу монастырю относится не к «пошлинам», как считал И. И. Срезневский (Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. Стб. 915), а к «сиротам» (АСЭИ. Т. III. № 116. С. 152).

³⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. Стб. 1106.

³⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб. 1996. Т. 3. С. 384.

³⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. Стб. 1597–1598.

³⁹ В таком значении «проторы» фигурируют в княжеских духовных и договорных грамотах того времени (ДДГ. № 5. С. 20. № 35. С. 90; № 38. С. 108; № 89. С. 362).

⁴⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. Стб. 155–156; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 35–36; АСЭИ. Т. II. С. 687; Т. III. С. 645.

⁴¹ Там же. Т. 2. Стб. 1333–1335, 1300.

⁴² Там же. Стб. 1252.

⁴³ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. С. 30.

Группировка обельных постановлений с упоминанием дворских была проведена формально, по близости формулировки неподведомственности дворскому. Рассмотрение источников в такой системе позволяет лишь в самом общем виде выявить некоторые исторические тенденции, тогда как отдельно взятая формула какой-либо грамоты далеко не всегда может быть принята за адекватное отражение реальности.

Прежде всего исследователь сталкивается с проблемой точности передачи текста, сохранившегося в копии. В четырех списках грамот вместо или наряду со словом «дворский» стоит «дворецкий»⁴⁴, более понятное копиисту. Сложнее обстоит дело в случае, удобном для разбора на примере жалованной тарханной и несудимой грамоте вологодского князя Андрея Васильевича (Меньшого) от февраля 1479 г. В ней обельное постановление выглядит так: «ни к сотцким, ни к старостам, ни к десяцким с тяглыми людми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы»⁴⁵. Этот документ сохранился в копии XVIII в. В остальных же восьми (5 в подлинниках) жалованных тарханых грамотах князя Андрея Меньшого упоминаются только сотские, дворские, пятидесятские и десятские⁴⁶, причем всегда в таком же разрешении к ним «не тянуть ни в какие проторы, ни в розметы» и в пяти случаях «с тяглыми (черными) людми». Скорее всего, в рассматриваемой грамоте старосты появились на месте дворских стараниями позднейших переписчиков, но все-таки нельзя полностью отрицать возможности того, что в подлиннике упоминались старосты, и тогда в отдельных случаях одно лицо могло называться по-разному.

В жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной 1 марта 1436 г. великим князем Василием Васильевичем Богородицкому Успенскому на Воинове Горе монастырю на владения в Аргуновской волости Переяславского уезда, разным категориям населения предоставлены разные льготы. Те люди, которые «разошлись, а приедут опять» — «ни к дворскому, ни к сотцкому, ни к становщику не тянут ничем», тогда как «пришлые и купленные» — «ни к дворскому, ни к сотцкому, ни к становщику, ни к старосте аргуновскому, ни оброка моего давати, ни иная никоторая пошлина»⁴⁷. Поскольку грамота сохранилась в списке 1641 г., во втором перечне льгот пропущено «не тянут...», возможны три варианта истолкования текста: 1) отсутствие в первом перечне старосты Аргуновской волости объясняется пропуском переписчика, 2) возвратившиеся старожильцы не освобождаются от ведения старосты, 3) указание на аргуновского старосту было добавлено копиистом. В пользу последнего как будто свидетельствует то, что в жалованной тарханной и несудимой грамоте, выданной между 1462 и 1466 г. игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану на те же владения великим князем Иваном Васильевичем «по грамоте Василия Васильевича», рассмотренной выше, обельное постановление имеет вид: «ни к сотцкому, ни к дворскому, ни к становщику не тянут ни в какие проторы, ни в розметы ничем»⁴⁸; использование предшествующей, вероятно, выразилось в сохранении слова «ничем». Однако, из указной грамоты Ивана III, датируемой временем между 1462 и 1485 г., видно, что институт старост там существовал⁴⁹. Видимо, грамота 1436 г. являет собой пример предоставления различных льгот категориям населения с разным социальным статусом. Так же, как продолжавших жить на своих местах старожильцев, пришлых людей и возвратившихся старожильцев освобождали от налогов на разное количество лет⁵⁰, различался и перечень должностных лиц, из чьего ведения они изымались.

В июле 1471 г. дмитровский князь Юрий Васильевич выдал жалованную грамоту игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридонию на приписной троицкий монастырь на Березниках в

⁴⁴ АСЭИ. Т. I. № 309 (список кон. XVI в.), 310 (список кон. XVI в., с интерполяциями). Т. III. № 106 (по публикации с подлинника); Назаров В. Д. Акты XV в. из архива суздальского Спасо-Евфимьева монастыря. С. 18 (список 1690-х г.).

⁴⁵ АСЭИ. Т. III. № 269. С. 284.

⁴⁶ Там же. Т. II. № 180, 192, 195, 199, 200, 232; Т. III. № 58; АФЭиХ. Ч. 1. № 97.

⁴⁷ АСЭИ. Т. I. № 128. С. 99.

⁴⁸ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 20. С. 379.

⁴⁹ АСЭИ. Т. I. № 332. С. 241.

⁵⁰ Милов Л. В. Великокорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 443–447.

волости Воре с обельным постановлением «ни к сотцким, ни к десятцким с черными людьми не тянуть»⁵¹. На те же земли 21 февраля 1473 г. Троице-Сергиеву монастырю выдал жалованную грамоту великий князь Иван III. В ней использована другая формула: «ни к сотским, ни к дворским, ни к десятским с черными людьми не тянут»⁵². Причиной отличий можно предположить особенности оформления жалованных грамот в канцеляриях дмитровского князя и великого князя московского. Для подтверждения или опровержения этого объяснения рассмотрим все формулы обельных постановлений, упоминающих дворских и сотских, этих князей до 70-х г. XV в.

В грамотах Юрия Васильевича имеются следующие формулы:

- ни к соцкому, ни к дворскому не тянут ни в какие проторы, ни в розметы⁵³
- ни к соцкому, ни к дворскому не тянут ни во что, ни в какие проторы, ни в розметы⁵⁴
- ни к дворскому, ни к десятскому не тянут ни в какие проторы, ни в розметы⁵⁵
- ни к дворскому, ни к становщику не тянут ни в какие проторы⁵⁶
- ни к сотскому, ни к дворскому, ни к десятскому с тяглыми людьми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы⁵⁷
- ни к сотцкому, ни к десятцкому не тянут ни в какие проторы, ни в розметы⁵⁸
- ни к сотскому, ни к десятскому с тяглыми черными людьми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы⁵⁹

В грамотах Ивана III имеются следующие формулы:

- ни к дворскому моему тянути⁶⁰
- ни к сотскому, ни к дворскому не тянут ни во что⁶¹
- ни к сотскому(им), ни к дворскому(им) не тянут ни в какие проторы, ни в розметы⁶²
- ни к старосте ликурзскому, ни к десятцким, ни к дворскому костромскому не тянут ни в какие проторы, ни в розметы⁶³
- ни к сотским, ни к дворским, ни к десятским с тяглыми людьми не тянут ни в какие проторы, ни в розметы⁶⁴
- ни к сотским, ни к дворским, ни к десятским с тяглыми людьми не тянут ни во что, ни в какие проторы, ни в розметы⁶⁵
- ни к сотским, ни к десятским не тянут ни в какие проторы, ни в розметы⁶⁶
- ни к сотским, ни к становщиком не тянут ни в какие проторы, ни в розметы⁶⁷

Таким образом, в грамотах и того и другого князя нельзя выделить формулу, которая безусловно бы преобладала в соответствующей канцелярии. В большинстве жалованных грамот

⁵¹ АСЭИ. Т. I. № 401. С. 293.

⁵² Там же. № 416. С. 305–306.

⁵³ Там же. № 29 (1461 г.), № 305 (1462 г.), № 325 (1462–72 г.), Т. II. № 386 (1470 г.).

⁵⁴ Там же. Т. I. № 400 (1471 г.).

⁵⁵ АФЭиХ. Ч. 1. № 86 (1464 г.).

⁵⁶ Там же. № 71 (1465 г.).

⁵⁷ АСЭИ. Т. I. № 336 (1463 г.).

⁵⁸ Там же. № 289 (1461 г.).

⁵⁹ Там же. № 401 (1471 г.).

⁶⁰ АФЭиХ. Ч. 1. № 123 (1463 г.).

⁶¹ АСЭИ. Т. I. № 310 (1462–66 г.), 321 (1462–66 г.).

⁶² Там же. № 309 (1462–66 г.), Т. II. № 363 (1462–63 г.), Т. III. № 71 (1464 г.), 97 (1463 г.).

⁶³ АФЭиХ. Ч. 1. № 251 (1474 г.).

⁶⁴ АФЭиХ. Ч. 1. № 304 (1462 г.), 312 (1462–66 г.), 322 (1462–66 г.), 346 (1467 г.), 388 (1469 г.), 398 (1470–85 г.), 416 (1473 г.) (с черными людьми), Т. III. № 42 (1471 г.), АФЭиХ Т. I. № 212 (1474 г.).

⁶⁵ АСЭИ. Т. I. № 412 (1472/73 г.) (с городскими и волостными людьми), 419 (1473–85 г.), Т. II. № 466 (1472 г.).

⁶⁶ АСЭИ. Т. II. № 364 (1462–63 г.), № 473 (1473 г.).

⁶⁷ АФЭиХ. Ч. 1. № 151 (1474 г.).

Юрия Васильевича сочетание должностных лиц — сотский и дворский, тогда как в интересующей нас грамоте — сотский и десятский. Очевидно, дело здесь не в особенностях канцелярии. Освоение территории волости Вори началось еще при великом князе Иване Даниловиче Калите (ср. Воря, на Вори слободка Софроновская в его завещании 1336 г.⁶⁸), поэтому дворские появились здесь не в течение полутора лет между июльской грамотой 1471 г. князя Юрия Васильевича Дмитровского и грамотой от 21 февраля 1473 г. великого князя Ивана III, а значительно раньше. Решению вопроса может помочь привлечение других актов. В жалованной тарханной и несудимой грамоте от 5 июля 1465 г. Юрия Васильевича митрополиту Филиппу на владения в волости Воре Московского уезда вместе с дворским назван становщик, но нет ни сотского, ни десятского: «ни к дворскому, ни к становщику не тянут ни в которые проторы»⁶⁹. С. М. Каштанов обнаружил другую грамоту Юрия Васильевича митрополиту Филиппу на те же владения, составленную между 1464 и 1472 г., с очень близким формуляром, возможно, являющийся более исправным списком ранее известной грамоты 1465 г., в котором обельное постановление совпадает с льготами грамоты 1471 г.: «ни к сотцкому, ни к десятцкому с черными людьми не тянути»⁷⁰. Если грамота 1465 г. — та же, что и 1464—72 г., и дает правильное чтение, то можно заключить, что у дмитровского князя Юрия Васильевича в московской волости Воре дворского не было. После его смерти территория перешла к Ивану III, и население оказалось в ведении великокняжеского дворского. В таком случае, жалованные грамоты в отдельных случаях адекватно отражают историческую действительность. Если же грамоты 1465 г. и 1464—72 г. — разные акты, придется признать, что в каждом конкретном случае льготы носят индивидуальный характер и освобождают обеляемое население от ведения не всех, а определенных должностных лиц.

В XV в. три митрополита освобождали бортников Семена Улыбашева с детьми и товарищами от ведения дворского. В грамоте митрополита Геронтия от 19 июня 1478 г.⁷¹ сказано, что дворские «не наряжают им дела» и «кормов не емлют». В грамотах митрополитов Зосимы от 11 декабря 1490 г.⁷² и Симона от 13 октября 1495 г.⁷³ о кормах дворскому не сказано. Можно думать, что бортникам сократили льготы, но при сопоставлении актов выясняется, что в грамоте 1478 г. в копийной книге указание на корм попало не на свое место. В несудимом постановлении жалованных грамот обычно в одном предложении запрещается наместникам, волостелям и тиунам судить людей иммуниста и взимать с них кормы. Поскольку все обороты в грамоте 1478 г. широко используют частицы «не» и «ни», переписчик по ошибке после фразы о дворских поставил половину несудимого постановления о кормах наместника и тиуна⁷⁴.

⁶⁸ ДДГ. № 1. С. 8; о дате см.: Кучкин В. А. Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты? // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. 1989. М., 1989. С. 206—225.

⁶⁹ АФЗиХ. Ч. 1. № 71. С. 76.

⁷⁰ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 45. С. 419.

⁷¹ АФЗиХ. Ч. 1. № 213. С. 188.

⁷² Там же. № 214. С. 188.

⁷³ Там же. № 215. С. 189.

⁷⁴ Свидетельства, что дворский получает корм, имеются в памятниках XVI в. и в жалованной тарханной и несудимой грамоте волоцкого князя Бориса Васильевича Иосифа-Волоцкому монастырю от октября 1479 г. — АФЗиХ. Ч. 2. № 3. С. 11.

м. Геронтий 1478 г.
 А наместници мои володимерские и тиуни не въежжают, ни всылают к ним ни по что, ни судят их ни в чем. Также и дворские мои володимерские не наряжают им дела моего никакова, *ни кормов своих на них не емлют*. А кому будет до них какво слово, и яз Геронтей митрополит всея Руси сам их сужу. А праведшики мои и доводшики поборов своих у них не берут.

м. Зосима 1490 г.
 А наместници мои володимерские и тиуни не въежжают, ни всылают к ним ни по что, ни судят их ни в чем, ни кормов своих на них не емлют. А праведшики их и доводшики поборов своих у них не емлют. Также и дворские мои володимерские не наряжают им дела моего никакова. А кому будет до них какво дело, и яз Зосима митрополит всея Руси сам их сужу.

м. Симон 1495 г.
 А наместници мои володимерские и тиуни не въежжают, ни всылают к ним ни по что, ни судят их ни в чем, ни кормов своих на них не емлют. А праведшики их и доводшики поборов своих у них не емлют. Также и дворские мои володимерские не наряжают им некоторого моего дела. А кому будет до них какво дело, и яз Симон митрополит всея Руси сам их сужу.

В обельных постановлениях двух жалованных грамот вологодского князя Андрея Васильевича (Меньшого), выданных 6 и 19 декабря 1471 г. Кирилло-Белозерскому монастырю на дворы в Вологде, отличается состав должностных лиц. В первом упомянуты дворский, пятидесятские и десятские⁷⁵, во втором добавлены сотские⁷⁶. Возможно, во вторую грамоту, сохранившуюся в списке XVII в., сотские были внесены позднейшими копиистами. Но весьма соблазнительно иное объяснение: грамота от 6 декабря выдана на двор «внутри города», а грамота от 19 декабря — на два двора, тот же и новый, «на посаде», следовательно, в вологодском кремле сотского не было, но он действовал в другой части города, что абсолютно точно и отразилось в актах. Однако то, что жители вологодского кремлевского двора «не тянут» «к сотнику к вологодскому», зафиксировала еще жалованная тарханная и несудимая грамота (в подлиннике) того же Андрея Меньшого от 22 февраля 1467 г.⁷⁷ Вполне возможно, что перед нами случай, когда как раз грамота, сохранившаяся в копии, точнее передает реальность. Дело в том, что 6 декабря 1471 г. по поручению Андрея Васильевича Кирилло-Белозерскому монастырю было выдано восемь жалованных грамот, написанных одним человеком⁷⁸. Для писца это значительный объем работы⁷⁹, повлиявший на качество. В отдельных грамотах этого комплекса есть описки, пропуски слогов и целых слов⁸⁰, возможно, было пропущено и слово «сотский». Во всяком случае, очевидно, что по отдельной грамоте нельзя судить об отсутствии должностных лиц на той или иной территории.

Жалованная грамота великого князя Михаила Борисовича Тверского Троицкому Калязину монастырю от июля 1483 г. на устройство слободки в верховьях р. Жабны дворского среди должностных лиц не называет⁸¹. Но из правой грамоты, выданной 29 июня 1504 г. этому монастырю, известно, что дворский действовал в Жабенской волости уже к марту 1483 г.⁸²

Из названных примеров следует, что отдельные нюансы, встречающиеся в обельных постановлениях, принимать за точное отражение существовавшего положения дел нельзя.

⁷⁵ АСЭИ. Т. II. № 195. С. 126.

⁷⁶ Там же. № 200. С. 130.

⁷⁷ Там же. № 180. С. 113–114.

⁷⁸ Там же. № 191–198. С. 122–128.

⁷⁹ Хронология этих грамот и другие вопросы представляют интересные темы для отдельных работ.

⁸⁰ Например, пропущено слово «моего» в обороте «ни коня моего не кормят» (№ 192. С. 123), «поставить» в обороте «своих людей перед мною поставить» (№ 198. С. 128).

⁸¹ АСЭИ. Т. III. № 158. С. 174.

⁸² Там же. № 173. С. 187–189.

Отсутствие упоминания дворского в жалованной грамоте могло быть вызвано разными причинами: этот институт в определенной местности на момент пожалования мог не существовать, иммунитет не освобождал от ведения дворского, указание на него не было предусмотрено формуляром.

Таким образом, в настоящее время известны 122 жалованные тарханные (практически все — несудимые) грамоты, в обельных постановлениях которых упоминаются дворские. Самая ранняя грамота (тверская) была выдана между 1362 и 1364 г., самая ранняя московская грамота датируется 10 мая 1404 г., самая поздняя (до начала правления Василия III) — 26 апреля 1504 г. На 60-е г. XIV в., начало XV в. и на 1410-е г. приходится по 1 грамоте. К 20-м г. XV в. относятся 2 грамоты, к 30-м — 5, к 30–40-м — 3, к 40-м — 11, к 40–50-м — 3, к 40–60-м — 3, к 50-м — 15, к 60-м — 31, к 60–70-м — 2, к 60–80-м — 1, к 70-м — 18, к 70–80-м — 2, к 80-м — 13, к 90-м — 5, к началу XVI в. — 5 грамот. В период правления Ивана III было выдано 74 грамоты. Основной массив актов приходится на 60–80-ые г. XV в. Это связано с иммунитетной политикой — в 1490-е — начале XVI в. центральное правительство последовательно проводило политику ограничения податных привилегий феодалов⁸³. Из 119 княжеских грамот 9 были выданы митрополитам, 21 — частным лицам, все остальные — церковным корпорациям, преимущественно монастырям. 3 митрополичьи грамоты предоставляли льготы непосредственным производителям — бортникам.

Распределение грамот по выдавшим их лицам таково:

великий кн. Иван Васильевич 43
великий кн. Василий Васильевич 34
дмитровский кн. Юрий Васильевич 9
вологодский кн. Андрей Васильевич Меньшой 5
великая кнг. Мария Ярославна 5
великий кн. Иван Иванович 4
угличский кн. Андрей Васильевич Большой 3
великий кн. Борис Алесандрович Тверской 2
рузский кн. Иван Борисович 2
великая кнг. Софья Витовтовна 2
дмитровский кн. Юрий Иванович 2
радонежский кн. Андрей Владимирович 1
волоцкий кн. Борис Васильевич 1
великий кн. Василий Иванович 1
великий кн. Василий Михайлович Кашинский 1
серпуховской кн. Василий Ярославич 1
великий кн. Дмитрий Юрьевич Шемяка 1
звенигородский кн. Юрий Дмитриевич 1
митрополит Геронтий 1
митрополит Зосима 1
митрополит Симон 1
бывший царь казанский Мухаммед-Эмин 1

Хозяйство митрополитов строилось по образцу княжеского, копирование института дворских показывает его распространенность и значимость. Находившемуся на службе у Ивана III бывшему казанскому хану, видимо, были даны территории с существующим великокняжеским хозяйством.

⁸³ Каштанов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 19–20.

Дворские упоминаются в жалованных грамотах Тверского княжества. Очевидно, что институт дворских был более общим явлением, чем чисто московская хозяйственная структура.

Дворские могли привлекать к исполнению повинностей и сельское, и городское население, причем жителей как посада, так и укрепленной части – кремля. Жалованные грамоты свидетельствуют, что институтом дворских охвачены территории Бежецкого Верха (станы Городецкий, Ивановский, Пироговский, Шипинская волость), Боровска (Суходол), Вереи (городская округа), Владимира (городская округа, волости Заколпье, Медуши, Ярополч, за р. Нерлю – Боголюбовский стан), Вологды (двор в городе, волости Бохтюжская, Заозерская, Лоскома, Масленская, Пельшемская, Сямская, Тошна), Волока Ламского (городская округа), Вольской волости (Пошехонский уезд), Гороховца (Нижегородский уезд), Дмитрова (двор в городе, городская округа, станы Вышегородский, Инобожский, Повельский, Раменская волость), Звенигорода (станы Городской, Андреевский, Негучский), Кашина (городская округа, Жабенская волость, Нерехоцкий стан), Каширы (Туровская волость и Раставский стан), Коломны (городская округа, волость Канев), Костромы (двор в городе, волости Емстна, Сорохта, Ликуржская, «в Верхнем Березовце»), Можайска (Поротовская волость), Москвы (двор в городе, волости Воря, Корзенева, Сурожик), Муромы (городская округа, Куземский стан), Переяславля Залесского (волости Аргуновская, Кинельская, Кистемская, Серебожская, Верхдубенский стан, Маринина слободка), Плеса (городская округа, Матенская волость), Радонежа (городская округа), Ростова (Рождественский стан), Романова («в городе и его волостях»), Рузы (станы Городской, Вышкоский, волости Замошье, Скирманово), Соли Галицкой (городская округа), Соли Переяславской (городская округа), Суздаля (городская округа, Деминская волость, р. Уводь – Опольский стан), Твери (городская округа, «в тверской земле»), Торжка (городская округа), Углича (станы Городской, Кинельский, волости Койская, Куткобал), Юрьева Польского (городская округа), Ярославля (волость Черемовская). Дворские фиксируются в 32 центрах. Относительно распространения института дворских на других территориях по жалованным грамотам ничего утверждать нельзя. В 23 случаях из 32 речь идет о дворских в городе, в городском стане или в городской округе. Очевидно, что дворцовое княжеское хозяйство было связано главным образом с городом, а не с селом.

Важно отметить, что из этих 32 уездных центров только 8 городов, видимо, появились в XIV веке: Верея, Звенигород, Кашира, Радонеж, Романов, Руза, Соль Галицкая и Соль Переяславская. Все остальные возникли в домонгольское время. Сказанное наводит на мысль о зависимости наличия изучаемой структуры служебной организации от древности княжеской власти в конкретной местности.

Кроме городской округи, в названных 32 уездах дворские зафиксированы в 57 станах и волостях. Оценивая географию распространения института дворских, прежде всего следует разобраться давность существования таких административных центров. Большинство жалованных грамот, упоминающих дворских, относится ко второй половине XV в. Хотя по значительной части местностей, где фиксируется этот институт, ранний материал отсутствует, следует попробовать выяснить, сколько прошло времени от первого упоминания волости до фиксации в ней этого должностного лица княжеского хозяйства. До начала правления Ивана III иммунитетные акты называют дворских в бежецкой Шипинской волости (1445–53 г.), вологодских волостях Бохтюге (1448 г.) и Маслене (1448–51 г.), дмитровских волостях Вышгороде (1447 г.) и Инобоже (1447 г.), звенигородском Андреевском стане (волости) (1454 г.), костромских волостях Емстне (1425–27 г.) и Сорохте (1425–27 г.), московской волости Сурожике (1447–62 г.), переяславских волостях Аргунове (1436 г.), Кинеле (1425), Кистеме (1447–55 г.), Верхдубенском стане (1439 г.) и Маринине слободке (1438 г.), ростовском Рождественском стане (1453 г.), рузской Замошской

волости (1404 г.), суздальской Деминской волости (1460/61 г.), угличских волостях Койской (1434–47 г.) и Куткобале (1455 г.). При Иване III жалованные грамоты фиксируют дворских в Ивановском (1492 г.) и Пироговском (1462 г.) станах Бежецкого Верха, боровской волости Суходол (1463 г.), владимирских волостях Заколпье (1462–63 г.), Медуши (1462–66 г.), Ярополче (1481) и Боголюбовском стане (1462 г.), вологодских волостях Заозерья (1471 г.), Лоскоме (1471 г.), Пельшеме (1482 г.), Сяме (1471 г.) и Тошне (1471 г.), пошехонской Вольской волости (1466 г.), нижегородской Гороховецкой волости (1481 г.), дмитровских волостях Повельской (1485 г.) и Раменской (1464 г.), звенигородском Негучском стане (1470 г.), кашинских Жабенской волости (1504 г.) и Нерехоцком стане (1504 г.), каширских Туровской волости (1498 г.) и Растовском стане (1498 г.), коломенской волости Канев (1471 г.), костромских Ликурги (1474 г.) и Березовце (1462–66 г.), можайской Поротовской волости (1492 г.), московских волостях Воре (1473 г.) и Корзенева (1461 г.), муромском Куземском стане (1487 г.), переяславской Серебожской волости (1471 г.), плесской Матенской волости (1463 г.) рузской волости Скирманове (1502 г.) и Вышкоском стане (1502 г.), суздальском Опольском стане (1469 г.), угличской волости Кинеле (1462–66 г.), ярославской Черемовской волости (1464 г.).

При этом жители дмитровского Повельского стана⁸⁴ и муромского Куземского стана⁸⁵ были подсудны только наместникам, а не волостелям, то есть относились к городской округе. Население Каменского стана подчинялось волостелям другой дмитровской волости — Инобожа⁸⁶. Вышкоский стан был включен в Рuzский уезд в 1494 г.⁸⁷. Расположенные в нем села Кортинское, Кусакинское и Богородицкое Васильевское⁸⁸ по жалованной грамоте волоцкого князя Бориса Васильевича, датируемой 1465–1469 г., были подсудны только наместникам Волока Ламского⁸⁹. В Кашинской Жабенской волости институт дворских существовал до ее присоединения к Московскому княжеству⁹⁰. Таким образом, оценивать древность следует не 57 волостей, а 52.

Бежецкая волость Шипино фиксируется договорами Новгорода с князьями с 60-х г. XIII в.⁹¹. Уже первая духовная грамота Ивана Калиты 1336 г. среди московских владений называет волости Сурожик, Суходол, Ворю, Раменье, Канев, Скирманово, Негучу, Замошскую слободу, село Андреевское, позже ставшее звенигородским станом⁹². Белозерская волость Вольское, вологодские волости Тошна и Сяма, дмитровские волости Вышгород и Инобож, можайская Поротовская волость и московская волость Корзенева впервые упоминаются в завещании Дмитрия Донского 1389 г.⁹³ Волости Ярополч и Гороховец названы в «Списке городов русских», составленном в конце XIV в.⁹⁴ Договор великого князя Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем Серпуховским предусматривал, что в случае потери последним Ржевы он компенсировался бы Медушами и Ярополчем⁹⁵. Волость Кинела

⁸⁴ АСЭИ. Т. I. № 419. С. 308.

⁸⁵ Там же. № 398. С. 290. Т. III. № 109. С. 146.

⁸⁶ Там же. Т. I. № 652. С. 576.

⁸⁷ Чернов С. Э. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирования военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 64.

⁸⁸ АСЭИ. Т. II. № 426. С. 466.

⁸⁹ Там же. № 382. С. 381–382.

⁹⁰ Там же. Т. III. № 173. С. 187–189.

⁹¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 1. С. 9; № 2. С. 11; № 3. С. 12; № 6. С. 15 и т. д.

⁹² ДДГ. № 1. С. 7–8.

⁹³ ДДГ. № 12. С. 34.

⁹⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 477; датировка В. Л. Янина (временем не позднее 1381 г.) (Янин В. Л. К вопросу о дате составления обзора «А се имена градом всем русским, далним и ближним» // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 131), основанная на наблюдениях над принадлежностью Ржевы, не объясняет состав перечня болгарских городов, по которому весь обзор Е. П. Наумов, видимо, справедливо отнес к концу 1394 г. — середине 1396 г. (Наумов Е. П. К истории летописного «Списка городов дальних и ближних» // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 157).

⁹⁵ ДДГ. № 13. С. 37.

в Переяславле Залесском упоминается в первой духовной грамоте 1406/07 г. великого князя Василия Дмитриевича⁹⁶. Другая переяславская волость, Кистема, фиксируется жалованной грамотой от июля 1415 г. того же великого князя Василия I⁹⁷. Заключенный 11 марта 1428 г. договор великого князя Василия Васильевича с галицким и звенигородским князем Юрием Дмитриевичем показывает, что уже в первой четверти XV в. существовала костромская Ликуржская волость⁹⁸. Их же договор 1433 г. называет костромскую волость Березовец⁹⁹.

Таким образом, 24 волости из 52 до первого упоминания в них дворских, существовали от 25 до 150 лет. Хотя данные есть только менее чем по половине административных единиц, можно отметить, что институт дворских связан в значительной мере с территориями, которые, как выясняется, являлись достаточно долгое время объектами владения и управления князей.

Относительно всех остальных волостей сложно утверждать что-то определенное о времени их возникновения, но несомненно, что многие из них появились сравнительно поздно. Процесс окняжения территории трудно уловим по источникам, но в общих чертах понятен — новые волости возникают на окраинах старых, как переяславская Гавинская волость из Усольской, или разрастаются из княжеских сел, как звенигородский Андреевский стан из села Андреевского.

Рассмотрев давность существования городов и волостей, на чьих территориях действуют дворские, требуется проанализировать, где конкретно находятся обеляемые земли в тех административных единицах, по которым отсутствуют данные о времени их возникновения. Для правильности выводов необходимо исключить из этого числа те волости, фиксирование в которых дворских может быть объяснено соседством с упоминанием в той же грамоте владений иммунитетов на территории уже проанализированных административных единиц или как-то иначе. Таких волостей девять. В актах вместе с владениями в городской округе перечислены земли в Пироговском и Ивановском станах Бежецкого Верха и в угличских волостях Койской и Куткобале. В грамотах на вологодские село Ивановское и пустошь Вороновскую в них запрещалось «всылать» волостелям и лоскомским, и тошенским. В Кашинском уезде в одной грамоте названы село Михайловское Нерехотского стана и село Пестово Жабенской волости. Вологодские Бохтюжская и Заозерская волости до присоединения к Московскому княжеству представляли собой удельные ярославские княжества, а, значит, там существовало определенное княжеское хозяйство¹⁰⁰.

Владимирская волость Заколпье, позднее Колпский стан, где были села Покровское и Кокоуровское¹⁰¹, пограничная с Муромским уездом, находилась в 60–85 км от Владимира¹⁰².

Пустоши Караулово, Новое над озером, Ермаково, Хорязиково (Корязиково¹⁰³ на р. Суиме¹⁰⁴) «за рекою Нерлью» во Владимирском уезде¹⁰⁵ располагались на территории Боголюбовского стана, близ границы Суздальского уезда, в издревле густо населенном и хорошо освоенном районе¹⁰⁶.

В Масленской волости Вологодского уезда Сеземские пустоши¹⁰⁷ находились на границе Белозерского уезда, близ другого владения там Кирилло-Белозерского монастыря, деревень

⁹⁶ Там же. № 20. С. 56.

⁹⁷ АСЭИ. Т. I. № 30. С. 41.

⁹⁸ ДДГ. № 24. С. 64.

⁹⁹ Там же. № 30. С. 75.

¹⁰⁰ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. М., 1984. С. 281, 294–295.

¹⁰¹ АСЭИ. Т. II. № 363.

¹⁰² Готье Ю. В. Замосковский край. М. 1937. С. 376; Карта.

¹⁰³ АСЭИ. Т. II. № 462. С. 499.

¹⁰⁴ Назаров В. Д. Акты XV в. из архива суздальского Спасо-Евфимьева монастыря. С. 16.

¹⁰⁵ Там же. № 7. С. 18.

¹⁰⁶ Готье Ю. В. Замосковский край. С. 376; Карта.

¹⁰⁷ АСЭИ. Т. II. № 98. С. 59.

Товских на р. Уломе¹⁰⁸. Пожни Сеземских пустошей лежали «на реке Вологде по обе стороны... с Сезмы едучи к Маслене между путем Маслинским и Иванским»¹⁰⁹. Местность между верховьями современных рек Вологды, Сизьмы и Масляной расположена в 60 км к западу от г. Вологды.

В вологодской Пельшемской волости деревня Поддубная¹¹⁰ в XIX в. находилась в 12 верстах к востоку от современного г. Кадникова¹¹¹, в 48 км к северо-востоку от Вологды.

У Троицкого Белопесоцкого монастыря, стоявшего на левом берегу Оки, напротив г. Каширы¹¹², в ее уезде были владения в Туровской волости «пустой лес Къстовский» и в Рбтовском стане «пустой лес дикий промеж Бунина и Воскресеньскаго и Ошихминскай поляны и Грабченак вверх речек Любын»¹¹³. На Кстовском лесе позже возникли починки Воргосовское, Крутовражье и Ступинское¹¹⁴ — современный г. Ступино в 8 км от Каширы севернее Белопесоцкого монастыря. Локализация земель в Рбтовском стане определяется современными селами Грабченки, в 9 км юго-восточнее Каширы, и селом Воскресенским на р. Любинке в 14 км от Каширы, к востоку от названного села¹¹⁵.

В Костромском уезде от ведения дворянского освобождались села Фоминское в Сорохте и Клевцовское и Грунинское в Емстне¹¹⁶. Село Клевцово находилось на р. Уводи¹¹⁷, возле границы бывшего Владимирского уезда, в нескольких км южнее сел Грунина и Фоминского¹¹⁸. От села Грунина на север до современного села Емна было около 26 км и 72 км до Костромы [34 км до г. Нерехты]. Между современными селами Фоминским и Сорохтой — 5 км, Фоминским и Костромой — 65 км [до г. Нерехта — 28 км.]. Фоминское расположено южнее Костромы, восточнее Сорохты¹¹⁹.

Матенская волость Плесского уезда, к которой относилась пустошь Микулинская Межа¹²⁰, лежала по реке Матне и позже стала Суздальским станом¹²¹. Сама р. Матня течет в 58–66 км южнее Плеса¹²², а позднейший стан отстоял на 35–70 км от него¹²³.

В двух из четырех переяславских волостях владения, освобождаемые от ведения дворянского, лежали на р. Кержаче или в ее бассейне. Успенский на Воиновой Горе монастырь находился на правом берегу р. Клязьмы, где в наше время напротив устья Кержача деревня Воинова Гора¹²⁴; Аргуновская волость, в которой были монастырские деревни Тимошинская, пустоши Олпаческая и Васильевская¹²⁵, лежала на р. Кержаче, выше впадения в нее р. Шередара¹²⁶ и позднее стала дворцовой волостью¹²⁷. К волости Маринине слободке относились деревни Желдыбинская,

¹⁰⁸ Там же. № 290. С. 242.

¹⁰⁹ Там же. № 191. С. 122.

¹¹⁰ Там же. Т. III. № 278. С. 294.

¹¹¹ Там же. С. 502, Вологодская губерния. Списки населенных мест. № 4579.

¹¹² Там же. Т. I. С. 723.

¹¹³ Там же. № 618. С. 530.

¹¹⁴ АРГ. № 29. С. 35.

¹¹⁵ Карта Тульской области.

¹¹⁶ АСЭИ. Т. I. № 49. С. 53.

¹¹⁷ Костромская губерния. Списки населенных мест. № 9199.

¹¹⁸ АСЭИ. Т. I. С. 595. Прим. к № 49.

¹¹⁹ Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929, Карта; Карта Костромской области.

¹²⁰ АСЭИ. Т. III. № 97. С. 134.

¹²¹ Готье Ю. В. Замосковский край. С. 402.

¹²² Карта Ивановской области.

¹²³ Готье Ю. В. Замосковский край. Карта.

¹²⁴ АСЭИ. Т. I. С. 595. Прим. к № 42.

¹²⁵ Там же. № 128. С. 99.

¹²⁶ Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Карта.

¹²⁷ Готье Ю. В. Замосковский край. С. 394.

Селиванкова Гора, пустошь Ефремовская¹²⁸ и деревня Микулинская Тутолмина¹²⁹. Селиванова гора находилась напротив г. Кержача. Современная деревня Желдыбино лежит в верховьях р. Вакчалы (Вахчилки) в 12 км от ее устья у г. Кержача, в нескольких км западнее от Желдыбино — деревня Ефремово¹³⁰. На р. Кержаче лежала и деревня Микулинская Тутолмина, позже называвшаяся Тутолмина слободка¹³¹. Земли по р. Кержачу давно осваивались княжеской властью, еще Иван Калита купил там село¹³², а у Владимира Храброго на Кержаче жили численные люди¹³³, по всей вероятности входившие в служебную организацию. В переяславском Верхдубенском стане располагалось село Сватковское¹³⁴, ныне село Сватково отмечено на картах примерно в 9 км севернее от Сергиева Посада, в 52 км юго-восточнее Переяславля¹³⁵. В Серебоже троице-сергиево село Куноки, видимо, было отчуждено монастырем в XV веке, а в XIX веке уже не существовало¹³⁶. Сам Серебожский стан, крайний западный из переяславских, в некоторые периоды времени тянувший к Дмитрову, лежал по рекам Дубне и Веле¹³⁷, в 45–60 км от Переяславля¹³⁸ [20–45 км от Дмитрова].

Вдова Владимира Андреевича Зворыкина дала Троице-Сергиеву монастырю «в Ростовском уезде на Локсомери свои деревни да и пустоши, в Рожественском стане Поповское с деревнями и пустоши»¹³⁹. Хотя позже они и были отчуждены монастырем¹⁴⁰, их локализация определяется местоположением современной деревни Поповки на р. Локсимер в 40 км юго-восточнее Ростова¹⁴¹.

В Деминской волости Суздальского уезда пустошь Хороброво¹⁴², в районе современной деревни Храброво, находилась к северу от г. Иваново, близ р. Уводь, км в 80 от Суздаля¹⁴³.

Местоположение земель Медвежий Угол в суздальском Опольском стане¹⁴⁴ определяется по существовавшему в XIX веке селу «Вознесенье, что в Медвежьем Углу»¹⁴⁵. Современное село Вознесенье находится на правом берегу р. Уводь, ниже устья р. Вязьмы, в 40 км от Суздаля¹⁴⁶.

В Кинельском стане Угличского уезда находилась деревня Татаринская¹⁴⁷. Позднее она тянула к селу Прилуцкому¹⁴⁸, относившемуся к Городскому стану Углича¹⁴⁹.

Села Борисовское, Филиповское (соврем. Филипово) и Нестеровское (соврем. Нестерово) Черемовской волости Ярославского уезда¹⁵⁰ существуют до наших дней в верховьях р. Черемухи, в км в 50 от Ярославля¹⁵¹.

¹²⁸ АСЭИ. Т. I. № 133. С. 103.

¹²⁹ Там же. № 247. С. 176.

¹³⁰ Там же. С. 601. Прим. к № 133; Карта Владимирской области.

¹³¹ Писцовые книги Московского государства (далее — ПКМГ) СПб., 1872. Ч. I. Отд. I. С. 841.

¹³² ДДГ. № 1. С. 10.

¹³³ Там же. № 17. С. 46.

¹³⁴ АСЭИ. Т. I. № 139. С. 107.

¹³⁵ АСЭИ. Т. I. С. 591. прим. к № 10. Карта Московской области.

¹³⁶ АСЭИ. Т. I. С. 620. прим. к № 400; Московская губерния. Списки населенных мест. С. 244.

¹³⁷ Готье Ю. В. Замосковский край. С. 394.

¹³⁸ Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Карта.

¹³⁹ АСЭИ. Т. I. № 185. С. 132; № 243. С. 170.

¹⁴⁰ Там же. С. 605. прим. к № 185.

¹⁴¹ Карта Ярославской области.

¹⁴² АСЭИ. Т. III. № 101.

¹⁴³ Владимирская губерния. Списки населенных мест. № 5918 (в АСЭИ. Т. III. С. 624 опечатка: № 3918). Карта Ивановской области.

¹⁴⁴ АСЭИ. Т. II. № 466.

¹⁴⁵ Списки населенных мест Владимирская губ. № 2870; АСЭИ. Т. II. С. 568. прим. к № 469 (зд. опечатка: № 2876), Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 221.

¹⁴⁶ Карта Ивановской области.

¹⁴⁷ АСЭИ. Т. I. № 323. С. 232–233.

¹⁴⁸ Там же. С. 614. прим. к № 299.

¹⁴⁹ ПКМГ. Ч. I. Отд. II. С. 24–35.

¹⁵⁰ АСЗ Т. I. № 312. С. 302.

¹⁵¹ Карта Ярославской области.

Таким образом, населенные пункты только в десяти из восемнадцати волостей располагались на расстоянии порядка 50 км и более от уездного центра, что в целом подтверждает вывод о появлении дворцового хозяйства близ городов и в давно существовавших административных единицах. В 7 случаях от ведения дворцового освобождаются земли на границах уездов.

Отмеченное явление интересно сопоставить с тем, что 6 древних волостей в течение XIV – XV в. меняли свое административное подчинение (Суходол [Звенигород–Боровск], Вольское [Белоозеро–Пошехонье], Воря и Корзенев [Москва–Дмитров–Москва], Серебож [Дмитров–Переяславль], Ликурги [Кострома–Галич–Кострома]). Предполагалась передача Ярополча и Медушей от Владимира к Нижнему Новгороду, а Вышкоский стан из рузской городской округи перешел к Волоку Ламскому. Видимо, волости с существующим дворцовым хозяйством имели большую значимость для правящего слоя. Рассмотрение географии свидетельствует и о неравномерности развития дворцового хозяйства: осваивались территории близ городов и затем на границах уездов. При этом важно выяснить, повсеместно ли был распространен институт дворских.

Иммунитетные акты, выданные на ряд территорий, не фиксируют там дворских. Жалованные тарханные и несудимые грамоты называют в обельных постановлениях других должностных лиц или подведомственных им категории населения. Таковы для Белоозера (более 100 жалованных, в т. ч. 30 тарханных) грамоты 1448–70 г. (черные люди)¹⁵², 3 марта 1454 г. (тяглые люди)¹⁵³, 17 марта 1484 г. (староста, тяглые люди)¹⁵⁴, уставная грамота марта 1488 г. (сотский)¹⁵⁵, для Галича грамоты 19 ноября 1445 г. (староста, тяглые люди)¹⁵⁶, 18 мая 1481 г. (староста)¹⁵⁷; для Ржевской волости Кличен (3 тарханные) грамоты от 20 апреля 1460 г. (сотник, десятский)¹⁵⁸, от 7 марта 1500 г. (подвойский? сотский?, десятский)¹⁵⁹, для Нижнего Новгорода (6 тарханных) грамоты около 1418 г. (становщик)¹⁶⁰, кон. 20 – нач. 30-х г. XV в. (становщик, стольник)¹⁶¹, 20 февраля 1423 (становщик, стольник)¹⁶², 4 марта 1438 г. (становщик)¹⁶³, для Перми грамота 1482/83 г. (сотник, десятник)¹⁶⁴. Кроме названных уездов, можно указать ряд волостей, в которых жалованные грамоты фиксируют только децимальную организацию в тех уездах, где по иммунитетам существовал и институт дворских. Это волоцкие Ламский¹⁶⁵, Сестринский¹⁶⁶, Локнышский¹⁶⁷ станы, московская Раменская волость¹⁶⁸, угличская Святицкая волость¹⁶⁹. Конечно, в некоторых обельных постановлениях указание на дворцового могло отсутствовать, поскольку население не освобождалось от его ведения. Но в таких случаях существование дворцового восстанавливается по другим иммунитетам. Например, две грамоты на владения митрополичьей кафедры в Звенигородском

¹⁵² АСЭИ. Т. II. № 126.

¹⁵³ Там же. Т. I. № 230.

¹⁵⁴ Там же. Т. II. № 265.

¹⁵⁵ Там же. Т. III. № 22.

¹⁵⁶ АСЗ Т. I. № 118. С. 94.

¹⁵⁷ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 31. С. 396.

¹⁵⁸ АСЭИ. Т. II. № 360.

¹⁵⁹ АФЗиХ. Ч. 2. № 25; в этой грамоте назван подвойский на обычном месте сотского, видимо, потому, что документ сохранился в копии XVII в.

¹⁶⁰ Там же. Ч. 1. № 234. С. 205.

¹⁶¹ Там же. № 233.

¹⁶² Там же. № 230.

¹⁶³ Там же. № 231.

¹⁶⁴ АСЭИ. Т. III. № 291.

¹⁶⁵ АФЗиХ. Ч. 2. № 21.

¹⁶⁶ Там же. № 3, 14, 17.

¹⁶⁷ Там же. № 18.

¹⁶⁸ АСЭИ. Т. II. № 349.

¹⁶⁹ Там же. Т. III. № 85.

уезде называют только представителей децимальной организации¹⁷⁰, но три другие иммунитетные акта фиксируют и дворского¹⁷¹. Наличие или отсутствие упоминания дворского могло обуславливаться особенностями формуляра. В жалованных грамотах при отражении реального функционирования института дворских могли быть две противоположные неточности: 1) дворский указывался, когда его не было и 2) он не упоминался, хотя и действовал. Такие ошибки компенсируют друг друга, и это в сравнении с общим составом комплекса жалованных тарханских грамот позволяет сделать правомерный вывод, что институт дворских был распространен далеко не повсеместно.

Материалы жалованных грамот можно сопоставить с данными других актов источников, фиксирующих деятельность дворских. Правые, судные, меновные, льготные, разъезжие и купчие грамоты подтверждают данные иммунитетов о существовании дворских в 12 уездах. Это Дмитров¹⁷², Звенигород¹⁷³, Кашин¹⁷⁴, Кострома¹⁷⁵, Можайск¹⁷⁶, Москва¹⁷⁷, Переяславль¹⁷⁸, Ростов¹⁷⁹, Соль Галицкая¹⁸⁰, Суздаль¹⁸¹, Углич¹⁸², Ярославль¹⁸³. Единственным дополнением является Галич (1501 г.)¹⁸⁴. Но поскольку количество жалованных грамот значительно больше – 122 по сравнению с 46, то они позволяют нарисовать гораздо более полную картину распространения института дворских.

При этом иммунитетные акты показывают не только географию дворцового хозяйства, но и его развитие. На земли в ряде волостей до жалованных грамот, фиксирующих дворских, выдавались жалованные тарханские грамоты, без обельного постановления или не называющие в нем дворского. Причем зачастую они содержат свидетельства о существовании там децимальной организации. Это следующие акты на владения: во владимирских волостях Медуши – грамота от февраля 1425 г.¹⁸⁵ (дворские – 1462–66 г.) и Ярополче – грамота 1439/40 г.¹⁸⁶; нижегородском Гороховце – грамоты 1418–19 г.¹⁸⁷, 1445–46 г.¹⁸⁸ и 17 января 1451 г.¹⁸⁹; грамота 1447–55 г. (черные земли)¹⁹⁰ на земли в Гороховце и Ярополче (дворские – 1481 г.); в пошехонской Вольской волости грамота сентября 1454 г. (тяглые люди)¹⁹¹ (дворские – 1466 г.); в московских волостях Сурожике грамота 25 апреля – 28 сентября 1433 г. (сотник)¹⁹² (дворские – 1447–62 г.) и Воре грамота 2 сентября

¹⁷⁰ АФЗиХ. Ч. 1. № 96, 97.

¹⁷¹ АСЭИ. Т. III. № 53а, 54а, 58.

¹⁷² Там же. Т. I. № 428. С. 317; № 543. С. 422; Т. II. № 388. С. 392; № 388а. С. 395; № 402. С. 412.

¹⁷³ Там же. Т. III. № 55. С. 86; № 56. С. 88; АФЗиХ. Ч. 1. № 103. С. 98; Маштафаров А. В. Вновь открытые монастырские акты XV – начала XVII в. С. 52.

¹⁷⁴ АСЭИ. Т. III. № 139. С. 165; № 163. С. 177; № 164. С. 177; № 165. С. 178; № 172. С. 185; № 173. С. 188–189.

¹⁷⁵ АФЗиХ. Ч. 1. № 253. С. 216; № 255. С. 220; № 259. С. 226–231.

¹⁷⁶ АСЭИ. Т. II. № 422. С. 462.

¹⁷⁷ Там же. Т. I. № 602. С. 499.

¹⁷⁸ Там же. № 156. С. 115; № 326. С. 235–236; № 340. С. 248; № 564. С. 443; № 571. С. 452; № 582. С. 462–463; № 628. С. 538–541; АФЗиХ. Ч. 1. № 117. С. 112; Маштафаров А. В. Вновь открытые монастырские акты XV – начала XVII в. С. 48.

¹⁷⁹ АСЭИ. Т. I. № 635. С. 547–548.

¹⁸⁰ Там же. № 214. С. 150.

¹⁸¹ Там же. Т. II. № 458. С. 497; № 470. С. 509; № 471. С. 510; № 472. С. 511; № 491. С. 531; № 492. С. 535; № 493. С. 541.

¹⁸² Там же. Т. I. № 299. С. 299; № 324. С. 234; № 390. С. 283; № 408. С. 299; № 581. С. 459–460.

¹⁸³ Там же. Т. III. № 210. С. 224; № 215. С. 232.

¹⁸⁴ Там же. № 250. С. 269.

¹⁸⁵ АФЗиХ. Ч. 1. № 211. С. 186.

¹⁸⁶ АСЭИ. Т. I. № 140. С. 108.

¹⁸⁷ Там же. Т. II. № 435. С. 479.

¹⁸⁸ Там же. Т. III. № 491. С. 471.

¹⁸⁹ Там же. Т. II. № 452. С. 492.

¹⁹⁰ Там же. Т. I. № 200. С. 143.

¹⁹¹ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 15. С. 368.

¹⁹² Антонов А. В., Баранов К. В. Неизвестные акты XIV–XVI в. из архива московского Чудова монастыря. С. 12.

1441 г.¹⁹³ (дворские — 1473 г.); в переяславских волости Кистьме грамота от июля 1415 г.¹⁹⁴ (дворские — 1447—55 г.) и Маринине слободе грамота ноября 1436 г.¹⁹⁵ (дворские — 1438 г.); суздальском Опольском стане грамота 1445 г. (черные люди)¹⁹⁶ (дворские (то же село) — 1469 г.). Увеличение в период правления Ивана III числа волостей, в которых фиксируется институт дворских, связано не только с иммунитетной политикой, количеством жалованных грамот и их сохранностью, приведенные данные позволяют говорить, что жалованные грамоты отражают развитие дворцового хозяйства.

Однако можно назвать случаи, когда в одной и той же волости в близкое время жалованные грамоты на одни земли дворского называют, а на другие — нет, или даже когда одно село сначала освобождается от ведения дворского, а через несколько лет он не упоминается в обельном постановлении. Так, на разные земли в волости Медуши жалованная грамота Ивана III, выданная между 1462 и 1466 г., фиксирует дворского¹⁹⁷, а его же грамота от 8 марта 1465 г. — нет¹⁹⁸. Жалованная грамота, выданная между 1445 и 1453 г. великим князем Василием Васильевичем на села Егонскую Весь и Кузьмодемьянское в Шипинской волости Бежецкого Верха, фиксирует дворского, сотского и становщика¹⁹⁹, а грамота на эти же села, составленная между 1462 и 1463 г. великим князем Иваном III, — только сотского и десятского²⁰⁰. Такие случаи и уже разобранные грамоты 1436 г.²⁰¹ на владения в переяславской Аргуновской волости, 1464—1472 г.²⁰², 1465 г.²⁰³, 1471 г.²⁰⁴, 1473 г.²⁰⁵ на земли в волости Воре показывают, что освобождение или не освобождение от ведения дворского в числе льгот зачастую носило индивидуальный характер, имело реальное наполнение. С. Б. Веселовский совершенно справедливо считал жалованные грамоты универсальным инструментом княжеской политики²⁰⁶, они были таковым и для конкретного иммунитета и во всей внутренней княжеской политике в целом. Несомненно, выдача жалованных грамот, выведение населения из ведения дворского сокращало возможности дворского, сужало его поле деятельности. Но отмеченная зависимость состава льгот от конкретных обстоятельств, а также значительное сокращение в последние десятилетия правления Ивана III количества жалованных грамот, называющих в обельном постановлении дворских, свидетельствует, что выдача иммунитетных актов не могла привести к значительной трансформации института дворских, а исчезновение самого института дворских и появление городских приказчиков нельзя объяснить исключительно особенностями иммунитетной политики.

В двух иммунитетных актах дворский определен по городу. Обельные постановления следующие: в жалованной грамоте от 4 мая 1460 г. Василия Васильевича митрополиту Ионе на село Порецкое во Владимирском уезде — «ни к сотским, ни к дворским к володимерским не тянут ни в какие проторы, ни в розметы» и в жалованной грамоте от 20 января 1474 г. Ивана III митрополиту Геронтию на земли трех церквей в костромской Ликуржской волости — «ни к старосте ликурзскому, ни к десятицким, ни к дворскому костромскому не тянут ни в какие проторы, ни в

¹⁹³ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 7. С. 352.

¹⁹⁴ АСЭИ. Т. I. № 30. С. 41.

¹⁹⁵ Там же. Т. III. № 34. С. 57.

¹⁹⁶ Там же. Т. I. № 176. С. 128.

¹⁹⁷ Там же. № 312. С. 223.

¹⁹⁸ АФЗиХ. Ч. 1. № 193. С. 174.

¹⁹⁹ АСЭИ. Т. II. № 345. С. 342.

²⁰⁰ Там же. № 364. С. 358.

²⁰¹ Там же. Т. I. № 128. С. 99.

²⁰² Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. № 45. С. 419.

²⁰³ АФЗиХ. Ч. 1. № 71. С. 76.

²⁰⁴ АСЭИ. Т. I. № 401. С. 293.

²⁰⁵ Там же. № 416. С. 305—306.

²⁰⁶ Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. С. 114; Он же. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 8, 99.

розметы». По волости дворский ни в одном случае не назван, однако на основании только 2 грамот из 122 нельзя делать вывод о повсеместном местопребывании дворского в городе. Другие источники XV в. фиксируют волостных дворских. Судные, правые, льготные и указные грамоты называют в Переяславском уезде: в 1430–40-е г. аргуновского дворского²⁰⁷, в 1490-е мишутинского дворского²⁰⁸, в 1460-е г. в Угличе — кинельского дворского²⁰⁹, в 70-е г. названного столетия — инобожского²¹⁰ и берендеевского²¹¹ дворских в Дмитрове, в 1490-е г. дворского Жабенской волости Кашинского уезда²¹².

Фиксирование жалованными грамотами в 1460 г. владимирского дворского и в 1474 г. костромского дворского важно и для изучения связи институтов дворских и дворецких. А. А. Зимин, изучая дворцовые учреждения, пришел к выводу, что «история создания областных дворцов конца XV — начала XVI в. связана с ликвидацией отдельных феодальных княжеств». По мнению исследователя, «присоединяя те или иные княжества к Москве, великие князья забирали в фонд дворцовых и черносошных земель значительную часть владений местных феодалов..., система дворецких обеспечивала на первых порах управление этими землями»²¹³. Однако областным дворецким, видимо, предшествовали областные дворские, существовавшие на старых московских территориях.

Рассмотренные жалованные грамоты фиксируют распространение дворцового хозяйства, окняжение территории, показывают процесс включения хозяйственных систем других княжеств в аналогичные Московского княжества при его росте. Дворские упоминаются в жалованных грамотах Тверского княжества. Очевидно, что после присоединения к Москве институт дворских был включен в дворцовое хозяйство. Однако жалованные грамоты не дают данных о том, изменились ли при этом функции дворских.

Наблюдения над исследуемыми обельными постановлениями иммунитетных актов позволяют сделать следующие выводы. Жалованные грамоты, несомненно, являются ценным источником, позволяющим в общих чертах обозначить место и время функционирования института дворских на разных территориях, хотя они не в состоянии ответить на ряд вопросов, связанных с конкретной деятельностью возглавлявшего дворцовое хозяйство должностного лица. Так, по ним нельзя выяснить основные и второстепенные функции дворского, организацию им повинностей, участие в суде, социальный статус, переход на службу к другому князю, наличие собственного административного аппарата, наследование должности, генеалогию.

Иммунитетные акты показывают, что дворцовое княжеское хозяйство было связано главным образом с городом и в значительной мере с территориями, являвшимися долгое время объектами владения и управления князей. В XV в. институт дворских распространяется на новые территории. Этот процесс предшествовал появлению дворцовых волостей в XVI в. Выдача жалованных грамот иммунитетам сокращает возможности дворского, сужает его поле деятельности, но трансформацию рассматриваемого института в XVI в. и последующее исчезновение дворских нельзя объяснять только иммунитетной политикой, причины указанного явления заключались в более широких изменениях в системе обеспечения господствующего класса.

²⁰⁷ АСЭИ. Т. I. № 156. С. 115.

²⁰⁸ Там же. № 564. С. 443, № 628. С. 539.

²⁰⁹ Там же. № 299. С. 212, № 324. С. 234, № 390.

²¹⁰ Там же. № 428. С. 317.

²¹¹ Там же. Т. II. № 388. С. 392.

²¹² Там же. Т. III. № 164, 165. С. 177, 178.

²¹³ Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений русского государства конца XV и XVI в. // Исторические записки № 63. М., 1958. С. 185.